

Ст. 160 Одна чрезмерно люта стоит вдоль
несмела . . .

Ст. 247 Так Странгурио, прияв власть, в вред нам
ей данну.

В ст. 226 болезни возвращен ее женский род:

Связанну Странгурию влекут за собою . . .

Но ст. 171, читающийся у Ефремова (I, стр. 302):

Странгурио влеком, вождю вслед рыдая . . .

надо, согласно материалам Т. Глаголевой¹ восстановить:

Странгурио влекома . . .

Очевидно, ошибка переписчика объясняется бессознательным желанием выправить странность Кантемирова согласования.

Заметим попутно, что вся поэма вызывает большие и пока еще неразрешимые недоумения. Все писавшие о Кантемире единогласно отмечают неудачу «Петриды» (обыкновенно с наивно-психологическим объяснением: похвала была несвойственна сатирическому темпераменту автора). Действительно, поэма явно не талантлива (исключением являются только стихи 185—206:

Течет меж градом река быстрыми струями . . .

насколько мы знаем, первый в поэзии пейзаж Петербурга), но и неталантливое произведение может быть поучительно для историка литературных стилей, если только выяснена его функция. Но именно это, в данном случае, нелегко. Так как недавно вышедшая «Генриада» (1723 г. в первоначальной, 1728 г. в окончательной форме) гремела тогда во всей Европе, естественно предположить, что Кантемир, работа которого в эти годы целиком подчинена французским образцам (Буало, Лабрюйер и т. д.), исходит из прославленной Вольтеровой поэмы. Действительно, перечень чудовищ, напр., сидящих у входа в ад (старость, глад, нищета, война, зависть, ненависть, болезни — и Странгурио в их числе), можно сравнить с аналогичным эпизодом в 9 п. «Генриады» (пресыщение, ненависть, ревность и т. д. во внутреннем притворе храма Любви), хотя учет зависимости здесь затруднен тем, что подобное описание было (по 6 п. «Энеиды») общим обязательным местом поэмы.

Главная трудность, однако, — в восстановлении плана. Если первая песнь (единственная дошедшая до нас и несомненно един-

¹ Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наук, 1906, т. XI, кн. I.